

АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ОБРАЗНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-14-63002)

Образные средства отражения астрономического времени рассматриваются как способ концептуализации знаний об этой сфере действительности в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метонимия, языковая картина мира.

Метафора, функционирующая в речи в виде стёртых и живых, индивидуально-авторских образных выражений, является не только образным средством, но и одним из базовых способов концептуализации действительности (Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова и мн. др.), в котором ярко проявляется взаимосвязь языка и сознания, относящаяся к сфере фундаментальных вопросов языкознания.

Дж. Лакофф на примере эмоции гнева показал роль метонимического механизма в порождении метафоры, концептуализирующей эту эмоцию. В ряде наших работ описан механизм образования когнитивной метафоры, концептуализирующей сферу эмоций, сферу интеллекта, сферу социальных отношений. Как показали эти исследования, сам механизм образной концептуализации, а также основной состав метафорических образов как средств концептуализации конкретной сферы действительности в сознании и языке предопределён важнейшей особенностью восприятия действительности, присущей человеческому сознанию – способностью воспринимать и осмысливать ситуацию *в целом*, тот или иной фрагмент действительности вместе с другими, смежными с ним.

В данном случае это особенно важно для осмысления (концептуализации) абстрактного феномена времени, которое воспринимается сознанием вместе с чувственно воспринимаемыми фрагментами действительности, служащими показателем конкретного периода времени и динамики времени в целом.

Задача статьи – продемонстрировать, что представления об этих чувственно воспринимаемых реалиях, тесно связанных в сознании человека с временем по смежности, обычно и становятся основой метафор, концептуализирующих время. Такая логика действует, в частности, при концептуализации сферы астрономического времени (суточного и годового: утро, полдень, вечер, день, ночь; весна, лето, осень, зима, сентябрь и под.), которая избрана предметом рассмотрения в данной статье.

Осмысление течения времени в связи с чувственно воспринимаемыми изменениями в окружающей среде регулярно фиксируется в рамках одного контекста: *Солнце шло уже книзу, надо было торопиться* (Зайцев) – о вечере; *Было утро. Солнце медленно вышло к миру и сквозь бедные облака одело землю в светло-перловые облачения* (Зайцев); *Третий день стояла мерзкая погода. Это была вторая осень войны* (Пастернак); *Поздняя осень, грачи улетели...* (Некрасов).

В сознании носителей языка (и в структуре одноимённых концептов) день, вечер, осень, весна и подобные феномены представлены не только как отрезки (периоды) времени, но и как их содержательное «наполнение» знанием о динамически меняющемся состоянии действительности, воспринимаемого человеческим сознанием.

Так, осень осмысливается как *стадия развития растений* в годовом цикле (увядание, листопад), как *астрономический феномен* (соотношение движущихся планет, которое проецируется на воспринимаемую человеком действительность в виде похолодания или потепления, характера осадков, т.е. *метеорологически*, а также в виде долготы светлого и тёмного времени суток), как комплекс *эмоционально-физиологических ощущений* человека. Собственно движение времени, безотнositельно к этим ярким признакам, сознанием, как известно, не воспринимается.

Вечер – это *астрономический феномен*, связанный с заходом солнца и соответственно с уменьшением интенсивности освещения, тепла (т.е. одновременно *метеорологический феномен*), это цикл в *жизнедеятельности человека* (окончание рабочего дня, подготовка ко сну).

Представления об этих признаках-состояниях с растительных, животных, астрономических и метеорологических существей переносятся на время их возникновения и протекания. И название периода времени (*осень, весна, утро, вечер* и т.д.) воспринимается и осмысливается как *обобщённое обозначение всей совокупности динамических признаков, регулярно совпадающих с этим промежутком времени*. Вспомним пушкинский гимн осени, в котором это время года прямо отождествляется с состоянием растительного мира и фактически оценивается именно последнее: *Осенняя пора! Очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса – Люблю я пышное природы увяданье, В багрец и в золото одетые леса...* (Пушкин).

Обратим внимание на то, что *отождествление времени* (времени года, времени суток) и *состояния действительности в это время* осуществляется на основе *смежности между ними*, т.е. метонимически.

На фоне приведённых выше пушкинских строк, в которых осень и состояние растительности отождествлены, обратим внимание на примеры их отдельного обозначения, на констатацию причинно-следственной обусловленности природных изменений временем года: *Осень, - сказала она с металлической медитацией. – В парках и скверах красиво из-за того, что деревья пожелтели или покраснели* (Мартынов); *Осенью листья на деревьях желтеют или краснеют; Сейчас осень, поэтому листья желтеют, становится холоднее, дни становятся короче* и т.д.

Самым простым и в большинстве случаев практически незаметным для сознания носителя языка проявлением процесса переноса по смежности с реалий растительного, животного мира и человека, астрономических и метеорологических на время является перенос определений. Проиллюстрируем сказанное:

1) перенос цвета неба на время суток: *Так было и в тот вечер апрельский, алый и нежный; чуть вились комары, березки стояли в зеленом дыму...* (Б. Зайцев); *Была ясная осенняя ночь с морозом* (Пастернак); *Краснел май, пролетая в огненных зорях, росах; кукушки медово куковали, точно окуковывали молодую жизнь. Солнце вставало пламенным и пахучим, глубокими ароматами дымились луга под ним и скаты розовели, окровавившись «зарей», медвяно-липкой пурпурной травкой* (Зайцев); в последнем предложении обнажена логика переноса признака с солнца (*пламенного*) на зори (*огненные*) и май (*краснел*);

2) перенос признака погоды (состояния воздуха, освещённости, температурного состояния) на время суток: *...был уже последний серый день октября...* (Дудинцев); *...если ночь выпадала лунная, голубело и там, в тихо сверкающем снеге...* (Зайцев); *Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное* (Достоевский); *Был сухой морозный день начала ноября...* (Пастернак); *Раз осенью, в такой же дождливый вечер, Женя стоял с Настасьей у окошка* (Зайцев); *Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора – Весь день стоит как бы хрустальный, И лучезарны вечера...* (Тютчев); *День выдался очень удачный для торжества, - один из тех ярких, прозрачных дней ранней осени...* (Жуприн); *Вечер был такой тёмный, сырой* (Достоевский).

Перенос признака на время суток обеспечивает эффект комплексного зрительного и осязательного восприятия природы в это время суток.

Аналогично выглядит картина переносов признака с чувственно воспринимаемых реалий на время года (погода – время, в течение которого стоит такая погода); *прохладный август; дождливый октябрь; морозная зима; жаркое лето; За весной, красой природы, Лето знойное пройдёт...* (Пушкин); *Потом сухой июль; месяц белого жара...* (Зайцев); *Вспоминается мне ранняя погожая осень* (Бунин); *Пасмурная осень тянулась долго. Солнечных дней выпадало немного, и в комнате было тускло* (Коваль);

3) перенос признака «состояние растительности» (цвет, урожайность и т.п.) на время суток или время года: *...в зелёный вечер под окном На рукаве своём повешусь* (Есенин); *Осенью, если был урожайный год, сил в народе оставалось много...* (Платонов); *Вот она, плодоносная осень!* (Ахматова); *плодоносная нива, сад, деревья – плодоносная осень.*

В следующем фрагменте словосочетание *белый, мохнатый декабрь* отражает восприятие времени сквозь призму снега и мохнатых от снега деревьев: *...молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь* (Булгаков).

В одном ряду с переносом определения (нередко – наряду с ним в одном контексте) выступает метафорическая концептуализация времён года с актуализацией тех же самых аспектов состояния окружающей действительности – цвета солнца, температурного состояния в этот период времени, связанного с интенсивностью солнца, а также с ветром, дождём, ручьями, половодьем и др.): *Сентябрь холодный бушевал, С деревьев ржавый лист валился* (Тютчев); *Прошла еще одна осень и долгая зима, ещё одна весна отшумела...* (Белов); *Колосилась рожь, догорал красный май; июнь жёг сочным пламенем, вспаивал луга поёмные, куда выезжали всей деревней повозками на несколько дней; там жили, как цыгане, косили и везли все сразу* (Зайцев).

Итак, в основе метафор в приведённых примерах лежат чувственные представления о состоянии окружающей среды в этот период времени, т.е. метафорический образ формируется в результате переноса этих представлений по смежности. Именно поэтому большинство переносов, особенно переносы определений, оказываются незаметными для говорящего и слушающего, воспринимаются в контексте названий временных периодов как естественные (*дождливая осень, жаркий июль, сухой август* и мн. др.). Перенос слов на основе смежности не порождает нового значения и потому оказывается не замеченным сознанием носителя языка.

В этом ряду особо отметим «антропные» определения, приписывающие времени года или времени суток ощущения, настроения, состояния, которые испытывает человек в это время, в том числе под воздействием окружающей природы: *Незаметно наступил тот кроткий, пред-*

вечерний час, когда золотее все, умирнее и в зеркальной глубине светлого неба как бы чуешь правду чистую и бесконечную (Зайцев); *А я люблю российскую осень. Что-то необыкновенно грустное, приветливое и красивое* (Чехов); *Люблю немую грусть осенних бледных дней...* (Агнивцев); *Слава тебе, поднебесный Радостный краткий покой! Солнечный блеск твой чудесный С нашей играет рекой, С рощей играет багряной, С россыпью ягод в снях, Слово бы праздник нагрел На златогривых конях! Радуюсь громкому лаю, Листьям, корове, грачу, И ничего не желаю, И ничего не хочу! И никому не известно, то, что, с зимой говоря, В бездне таится небесной Ветер и грусть октября...* (Рубцов). В некоторых случаях в одном примере на базе переноса по смежности с человека на осень и природу рождается метафора, фиксирующая контаминацию этих сущностей: *...туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою* (Жарамзин).

Фактор, влияющий на эмоциональное состояние человека (в данном случае осень как состояние природы), подаётся как «испытывающий» это состояние: при этом сочетание *грустная осень* имеет в восприятии слушающего диффузную семантику: значения «время, вызывающее у человека это состояние», «время, совпадающее с переживанием человеком состояния грусти» и «время, само «переживающее» это состояние», не разграничены, а выражение *осень грустит* воспринимается уже однозначно как метафора.

При этом регулярный перенос на основе смежности происходит в обоих направлениях:

1) признаки конкретно-чувственных сущностей переносятся на отрезок времени – например, на осень как время года и как обобщающее именование состояния природы и человека в это время года: *золотые листья (деревья) → золотая осень; холодная погода → холодная осень, холодный день, холодный вечер; жаркая погода → жаркий полдень; знойное солнце → знойное лето, знойный июль; дождливая погода → дождливый день, дождливая осень; пасмурная погода → пасмурный день* и под.;

2) адъективные дериваты названий периодов времени (*утренний, ночной, осенний, апрельский*) определяют конкретно-чувственные и абстрактные сущности и указывают на их те или иные динамические признаки, характерные для данного периода времени: *вечернее солнце, полуденное солнце, весеннее солнце, зимнее солнце, ночная тишина, осенние листья, осенняя погода, весенний ветер, летний зной, осенняя грусть, весеннее настроение, осеннее настроение* и под.

Подчеркнём, что именно перенос определения оказывается незамеченным – в отличие от других способов воплощения смежного со временем представления, прежде всего глагола и существительного, и в силу регулярности переноса таких определений на период времени воспринимается как обычное (непереносное) словоупотребление.

Если учесть, что осень в сознании представлена как растительный, астрономический и метеорологический феномен, вбирает в себя знания об этих реалиях, получается, что большинство эпитетов и других образных средств характеризуют, по существу, не осень как временной период (ему они лишь приписываются), а состояние природы (растения, погоду и др.), будучи обобщающим обозначением этапа в цикле развития этих сущностей. Представление об осени как времени года и представления о состоянии природы в это время года объединяются отношениями смежности. Следовательно, слово *осень* определяется признаками этих смежных реалий (*рыжая осень, холодная осень*) по метонимической логике, а его дериваты (типа *осенний, октябрьский*) по той же логике выступают определением для них (*осенняя погода, осенние листья*).

Связь по смежности между периодом времени и состоянием природы в этот период времени обладает устойчивостью и потому легко выражается – как в одной из своих форм – в фитоморфных, зооморфных, антропоморфных, метеорологических метафорах, возникающих на основе отношений смежности.

Приведём фрагменты поэтических текстов, в которых содержатся примеры концептуализации времени посредством метафорических образов. Основой этих образов служат связанные с ними отношения смежности представления об эмпирически воспринимаемых признаках состояния природы в это время – в данном случае речь идёт об осени: *Октябрь серебристо-ореховый* (Пастернак); *...Под шелест осени седой* (Блок); *Как грустны сумрачные дни Беззвучной осени и хладной! Какой истомой безотрадной К нам в душу просятся они!* (Фет); *Уж осени холодною рукою Главы берёз и лип обнажены, Она шумит в дубравах опустелых...* (Пушкин); *...А осень, пахнувшая пряно, Даст знак из тучи лить дождю* (Шашенкова); *Что ж ты, осень, надела с нами? В красном золоте стынет земля* (Заболоцкий); *Осень златоглавая, осень шелестящая... Ты прости, но незачем мне к тебе спешить, Потому что знаю я – ты не настоящая, А пожаров осени нам не потушить!* (Прахов); *Сентябрь на кончике травинки Повис слезинкою дождя* (Прахов).

В этих фрагментах осени «приписываются» типичные для этого времени года признаки природных реалий и человека:

- цвет листвы деревьев, форма их кроны (*октябрь серебристо-ореховый; красное золото; пожары осени; осень златоглавая*);
- цвет неба в пасмурные дни (*осень седая; сумрачные дни осени*);
- типичные звуки или беззвучность в природе (*шелест осени; осень шелестящая; беззвучная осень; она шумит в дубровах опустелых*);
- запахи (прежде всего растительные – *осень, пахнувшая пряно*);
- температурное состояние (*осень холодная*);
- дождь (*сентябрь на кончике травинки Повис слезинкою дождя*);
- типичное для человека эмоциональное состояние (*Как грустны дни осени; Какой истомой безотрадной К нам в душу просятся они!*).

Ряд образов, концептуализирующих суточное и годовое время, мотивированы в своём генезисе представлениями о солнце как главном показателе динамики суточного времени и одного из основных показателей динамики годового цикла. Подчеркнём ещё раз, что солнце связано с суточным, а также годовым временем отношениями смежности. Приведём здесь ряд фактов, показывающих механизм переноса представления о солнце (движущемся по небу, встающем и заходящем; светящемся, сияющем, пылающем): *День уходил; Сиял солнечный день; Догорал вечер; Пылал июльский полдень; В те июльские дни, что катились ни шатко, ни валко...* (Городничский) (вопрос о связи метафоры катящегося предмета в сфере концептуализации суточного и годового времени с солнцем рассматривается в статье Е. В. Резниковой [2]).

Есть контексты, которые буквально обнажают перенос представления о солнце на суточное время и рождение на этой основе метафоры огня: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь): **солнце пропылало → угасающий день**.

В других контекстах прямая связь между суточным временем и солнцем выражается в возможности и естественности их взаимозамены: *Она вернулась в Кременки на закате дня* (Зайцев): закат солнца → закат дня; *...Проглянет день как будто поневоле и скроется за край окружающих гор* (Пушкин): проглянет солнце и скроется за край окружающих гор → проглянет день и скроется за край окружающих гор. Подробнее об этом см. в нашей статье [1].

Аналогичные факты встречаем в сфере концептуализации времён года, см. перенос имён различных явлений, характерных для соответствующего времени года, на это время года, т.е. *метонимической номинации* времен года (примеры заимствованы из статьи Т.В.Сливы [3]): *Падал снег, плыл рассвет, осень моросила...* (Дербенёв): дождь моросил; *Зима мягко и сыро лежала на крышах* (Паустовский): снег лежал; *Зима висит на хвойных лапах* (Тарковский): снег висит; *За осенью – стужа, за вёснами – лето* (Светлов): за осенью – зима.

Очевидно, что выбор образов для *метафорической концептуализации годового времени* также осуществляется на основе отношений смежности. Не приходится удивляться, что в качестве образов выступают те же характерные для каждого времени года процессы и явления: для весны – потепление и яркое солнце, пробуждение растений, прилёт птиц, для зимы – снег и стужа, для лета – солнечный зной, для осени – созревание плодов, похолодание, увядание растений и т.д. (приводимые факты заимствованы из картотеки М. С. Склизковой): *Пора пришла, она влюбилась. / Так в землю падшее зерно / Весны огнём оживлено* (Пушкин): огонь солнца → огонь весны; *...Цветущую весну в садах...* (Державин): цветущие растения → цветущая весна; *...и посвящённым только зримо / Цветёт весна и красота* (Фет); *Весна сияла на небе, но лес ещё по-прежнему был засыпан снегом* (Пришвин): солнце сияло на небе → весна сияла на небе.

Итак, в русской языковой картине мира время года и время суток представлены не как собственно временные периоды, а как этап динамического циклического развития состояния природы и человека. Можно лишь условно обозначить утро или осень как периоды времени, в сознании они представлены как обобщающие обозначения этапов состояния природы и человека. Таким образом, названные периоды суточного и годового цикла могут именоваться астрономическим временем лишь в научной (физической, астрономической) картине мира, а в языковой картине мира они могут считаться астрономическими лишь с известной долей условности, будучи на самом деле одновременно метеорологическими, биологическими, ботаническими и иными феноменами. Это обстоятельство позволяет уточнить механизм образования когнитивных метафор, концептуализирующих знания об астрономическом времени, – эти метафоры возникают на основе отношений естественной смежности между абстрактным временем и чувственно воспринимаемым состоянием природы и человека. Перспективы исследования связаны с проверкой действия данной закономерности в сфере биологического и социального времени.

Список использованных источников

1. Илюхина Н. А. Концептуализация суточного и годового времени: семасиологическая и лингвокогнитивная интерпретация метафорических высказываний / Н. А. Илюхина // Язык –

текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы международной научной конференции / научный редактор Н. А. Илюхина. – Самара, 12 – 14 мая 2011 года. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2011. С.138 - 141.

2. Резникова Е. В. Семантический потенциал образа колеса в русской языковой картине мира / Е. В. Резникова // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов : сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Илюхиной. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 154-161.
3. Слива Т. В. Образные значения «сезонных» слов / Т. В. Слива // Языковая образность в свете разных исследовательских подходов (Материалы региональной научной конференции с международным участием). Самара, АНО «Издательство СИЦ РАН». С. 52 – 56.

Summary. Imaginative means of reflection of astronomical time are considered as a way of conception of knowledge about this sphere of reality in Russian language view of the world.

Key words: cognitive metaphor, metonymy, language view of the world.

УДК 070 + 81'373

Е.В. Каблуков

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МЕДИАДИСКУРС В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Показано, что советские и современные российские идеологемы как компоненты официальной идеологии разных периодов функционируют в трех контекстах – официальном, критическом и коммерческом. Первый предполагает использование официальной идеологемы в ее первоначальном значении. В коммерческий контекст официальные идеологемы вовлекаются коммерческими компаниями для получения прибыли. Попадая в критический контекст, идеологема теряет свое первоначальное значение и используется свободно, в т.ч. подвергается критике.

Ключевые слова: идеология, идеологема, медиадискурс, модернизация, инновация, нано.

Изучение идеологии, а также идеологем как ее компонентов является сегодня достаточно популярным направлением лингвистики и других гуманитарных наук [см., например: 2; 4; 5; 6; 8; 11; 12 и др.]. Особое внимание ученые уделяют системе взглядов и идей советского периода. В то же время актуальной остается проблема изучения современной российской идеологии, которая наследует отдельные черты прежней системы, активно заимствует западные идеи и вырабатывает собственные [4].

Цель настоящей работы – рассмотреть, как функционируют официальные советские и российские идеологемы в современных российских медиатекстах (последние понимаются как тексты средств массовой коммуникации – прессы, радио, телевидения и Интернета).

Идеологему мы вслед за Н. А. Купиной определяем как «вербально выраженную политическую или политизированную идею» [4, 518; см. также: 6, 182-183]. При этом официальными являются идеологемы, составляющие государственную идеологию, которая формируется в выступлениях высших должностных лиц страны и распространяется посредством государственной пропаганды. Соответственно можно выделить официальные идеологемы разных исторических периодов, в том числе советские и современные российские.

Наш материал показывает, что специфика функционирования данных идеологем в современном российском медиадискурсе зависит от контекста, который может быть лояльным, критическим и коммерческим.

Лояльный контекст предполагает использование идеологемы в ее первоначальном значении – в качестве единицы, формирующей и поддерживающей соответствующую идеологию. Рассмотрим в качестве примера официальные российские идеологемы «инновация» и «нано», которые в лояльном контексте функционируют как элементы современной российской государственной идеологии:

Это значит, чтобы этого не допустить, в каждом регионе должно быть место для малого и среднего бизнеса, для инноваций, для развития высокотехнологичных производств, для